

ЗИНАИДА ГИППИУС

ИВАН
ИВАНОВИЧ И
ЧЕРТ

Зинаида Гиппиус

Иван Иванович и черт

«Public Domain»

1905

Гиппиус З. Н.

Иван Иванович и черт / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1905

«— Ах, да это опять вы. Вы, что ли? — сказал Иван Иванович, вдруг уловив в чертах незнакомого человека, пришедшего к нему «по делу», знакомую с детства тень лица. Именно тень, а не лицо; или, если это и было лицо, то главное его, отличительное его свойство, по которому Иваном Ивановичем оно узнавалось, — была странная безличность этого лица. Безликость, ни в ком больше не встречающаяся...»

Содержание

Диалог I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Иван Иванович и черт

Диалог I

*«... Чаша в руке Господа, вино кипит в ней, полное смещения. Даже
дрожь ее будут выжимать и пить все нечестивые земли»*
Пс. 74, 9.

I

– Ах, да это опять вы. Вы, что ли? – сказал Иван Иванович, вдруг уловив в чертах незнакомого человека, пришедшего к нему «по делу», знакомую с детства тень лица. Именно тень, а не лицо; или, если это и было лицо, то главное его, отличительное его свойство, по которому Иваном Ивановичем оно узнавалось, – была странная безличность этого лица. Безликость, ни в ком больше не встречающаяся.

– Так вы, значить? – переспросил Иван Иванович.

Посетитель съезжился, улыбнулся одобрительно и кивнул головой.

– Ну, конечно, я. А что, вы сердитесь?

– Да нет, что ж... А только, знаете, теперь... Я устал, измучился, голова идет кругом...

– Вы не бойтесь. Я вас не утомлю. Я понимаю. И о разных текущих делах и событиях не собираюсь с вами говорить. Вон какой у вас ворох газет лежит, достаточно с вас. Философствовать тоже не будем – разве я не понимаю, что это не ко времени. Тут вы потрясены реальностями истории, а я полезу к человеку с отвлеченностями. Нет, я просто так... Жалко мне вас стало, да и не был давно... Пойду, думаю, к нему с отдохновением, сказочку, что ли, расскажу, поболтаем...

Иван Иванович посмотреть на него зло.

– Да чего, в сущности, вы ко мне привязались?

– Видите, как у вас нервы расстроены, – сказал посетитель мягко. Раздражаетесь. Два года я у вас не был, а говорите – привязываюсь. Разговор-то наш последний уж помните ли? Я вам тогда все с откровенностью выяснил, мы, кажется, поняли друг друга.

Иван Иванович поморщился.

– Ну, поняли... Поймешь вас. После все думается – вздор какой-то, марево; начало сумасшествия... Это все противно.

Посетитель тяжело вздохнул.

– Очень я виноват, что так долго не был у вас. Это немножко скучно, что опять все сначала начинать приходится. Какое же сумасшествие, когда – ведь уж докладывал же я – не к вам одному, а ко всем здравомыслящим людям всех сословий я хожу совершенно так же, как к вам, накинув на себя, для удобного проникновения, подходящую одежду. И присяжных поверенных, как вы, у меня много, и у власти людей стоящих, два учителя народных, писатели есть, профессора, доктора, студентов куча... Людей ведь, как вы знаете, гораздо больше, чем нас. Ну и приходится брать каждому из нас по несколько. Устаешь, конечно, но дело веселит, ежели подбор по вкусу. Я всегда, с самого начала нашей общей деятельности, держался людей именно самых здравомыслящих, покойных, трезвых, – что у вас называется нормальных. По чистой склонности держался. С таким человеком и поговорить приятно. К тому же они, по моему глубокому убеждению, и есть соль земли. Я, как родится такой человек, сейчас же

его в свои кадры намечаю. И уж с детства и знакомство завожу. Помните, как я к вам еще с третьего класса гимназии то тем, то другим товарищем приходил. Постепенно и узнавать меня начали. Многие, как и вы, бунтуются. Вы, говорят, против здравого смысла. А потом ничего. Ихний же здравый смысл подсказывает, что я не против него, а за него.

– Однако, – в задумчивости сказал Иван Иванович, – согласитесь, что это должно иногда тревожить. Ведь факт ваших хождений и к другим – не проверен. Я о нем слышу только от вас.

– Не принято это, в корне не принято у людей – говорить о нас между собой. Дети даже, и те сразу чувствуют, что нельзя. Каждый знает, а попробуйте заговорите с ним! Притворится так хорошо, что и вы поколеблетесь. Впрочем, и не заговорите вы никогда. Уверяю вас, не принято. До дна души люди откровенны могут быть только с нами, а не между собой. Мы с ними откровенны, ну, они это и чувствуют и могут. Это наша ценность.

Иван Иванович угрюмо замолк. Посетитель продолжал с веселостью:

– Право, подумайте: не верить мне ведь вы не имеете никаких оснований. Для вашего успокоения я очень бы желал, чтобы тот факт, что я хожу не к одному вам, а и ко многим людям вашей же профессии (ко всем ходят, не я, так другой) – чтобы этот факт мог быть доказан. Но не принято! Невозможно! Не будете же вы отрицать, что невозможно человеку открыть свою душу другому до самых последних тайников? Даже и хочешь – так невозможно! Ну а мы – как раз в этом последнем тайничке всегда и ютимся.

– И с каждым вы, значит, вот так – один на один? – спросил Иван Иванович.

– Непременно. То есть, если по душе разговор, без намеков. Общества я отнюдь не избегаю, впрочем. Но это уж другое. В семейные дома я хожу с лицом какого-нибудь знакомого. Выйдем чай пить, жена не удивляется. Хозяин знает, что я – я, а кому не следует – тот не знает. Главное – чтоб сверхъестественностей никаких не было. Это совсем не в нашей натуре. Мы за простоту и ясность.

– Однако же может выйти *qui pro quo*... Вдруг этот самый знакомый, в чьем вы лице приходите, сам туда же пожелует?

– Я рад, что вы развеселились, – сказал посетитель, скромно усмехнувшись. – Нет, не пожелует. Мы, знаете... так уж устраиваемся. Привычка, навык – и мало ли еще средств? А навыку всяческому – как же не быть? Практика громадная. Ведь мы, извините, вечные, а вы – временные. Ведь с начала хотя бы моей деятельности – сколько веков прошло. Сколько у меня одного людей было и окончилось. Кабы не запись – и не упомнить. А в записи у меня много и исторических имен. Из периода французской революции, например... Да я вам покажу как-нибудь, сами увидите, в какой вы компании. И все самые прекрасные, нормальные, самые здравомыслящие люди. Что делать. Влечение сердца. Я не гонюсь за выскочками. Мишурный блеск меня не прельщает. Побольше бы таких, как вы, – и дело наше в шляпе.

Ивану Ивановичу почудилось что-то обидное в последних словах развеселившегося посетителя. Иван Иванович сам, в глубине души, был собою скорее доволен, то есть очень во многом себя одобрял, когда смотрел со стороны. Много ему даже прямо нравилось. Случалось, приходила и мысль, что побольше бы таких, как он, – и гораздо было бы в мире лучше. А между тем его что-то кольнуло в тоне собеседника, захотелось с ним спорить, противоречить ему, – не в этом – так в другом, подсадить его. Словом, Иван Иванович обиделся и раздражился. Но прежде чем он успел открыть рот, посетитель, уже другим, скромно-серьезным тоном, поспешил прибавить:

– Общение с подобными вам людьми – для меня просто необходимость. И я истинно, поверьте, истинно счастлив, когда могу такого человека поддержать, помочь ему...

– Да позвольте! – вдруг вспыхнул Иван Иванович и даже с места вскочил. В волнении он зашагал по своему скромному кабинету. Кабинет был скромненький, потому что Иван Иванович никогда не имел большой практики, да и не гонялся за ней. Он был человек с глубоко честными убеждениями, такими честными, что их многие даже называли крайними. В обществен-

ной жизни он принимал деятельное участие, его знали и ценили за бескорыстие, смелость и некоторую даже горячность. Вообще было мнение, что на него «можно положиться». Ивану Ивановичу шел двадцать девятый год, наружность у него была приятная, он казался молодым и все еще смахивал на студента. Это последнее обстоятельство ему в себе тоже нравилось. И невеста у него была – курсистка. Давно уже была, но оба они, занятые своим участием в делах общественных, не торопились со свадьбой.

К посещениям безликого гостя Иван Иванович как-то безотчетно привык. То есть мало о них думал, забывал совершенно, особенно когда странный приятель долго не показывался. Но каждый раз, при встрече, они спорили, и нет-нет, да и почудится Ивану Ивановичу, что тут что-то дикое, нелепое, непонятное, а потому и противное.

На этот раз беседа принимала особенно резкий характер: Иван Иванович был уже взволнован, потрясен реальнейшими событиями времени, да и гостя он слишком основательно забыл. Как-то тут не до него. Не до этих выкрутасов.

– Нет, позвольте! – волновался Иван Иванович. – Что вы путаете! Ведь вы мне колоссальную чепуху порете, с начала до конца. Что я вам дался! Противоречие на противоречие нагромождаете. И если хотите знать – ровно я ничего не понимаю! Какое такое «ваше дело» – в шляпе? За каким делом вы ко мне таскаетесь? Это первое. Хвалитесь откровенностью и ясностью – объяснитесь, раз и навсегда. Затем: только что сказали, что избегаете «сверхъестественного» и стоите за здравый смысл – и тут же вплели, что вы – бессмертный какой-то и гуляли еще во дни французской революции. Есть в этом хоть капля здравого смысла? И, наконец – нечего нам церемониться! – ведь явно вы к тому гнете, так себя ставите, чтоб я мог вас назвать... ну просто язык на эту глупость не поворачивается – чертом? Этого вы хотите? Еще ужимается, туда же! Чертом?!

Иван Иванович разъяренно наступал на гостя, который оставался, маленький и спокойный, тихо на своем кресле. Только улыбнулся. И так кротко и нежно, что Иван Иванович устыдился.

– Вы извините, если я невежлив, – сказал он, понизив тон. Теперь все раздражены. Но, конечно, по существу я от моей оппозиции отказаться не могу... И весьма просил бы вас...

Посетитель с ласковой нежностью тронул его за рукав.

– Это вы меня извините... Это я виноват. И, насколько в моих силах, я сейчас же вам все разъясню. С конца начнем. Вас слово смутило? Слово «черт»? Не так ли?

– Ну да... Согласитесь сами...

– Да ведь все слова ваши же условные знаки для изображения понятий, – вот и все. Если у вас является слово – значит, наверно, есть понятие, существует, как бесспорный факт. Пользуются для определения факта словом, которое наиболее удобно и просто. Именуют факт. Если ваше понятие обо мне может быть определено словом «черт», – прекрасно, называйте меня чертом. Точнее: если понятие, которое существует у вас под словом «черт», приложимо ко мне, то, несомненно, я – черт. Более скажу: я сам, во многих пунктах, разделяю и ваш взгляд, и ваше определение, и уместность данного слова. Но, конечно, мы очень расходимся в деталях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.